

Я.А. Климук (с. Бурла)

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ КОНТИНГЕНТА УЧАСТНИКОВ КРЕСТЬЯНСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Политика большевиков в деревне в 1920 – начале 1930-х гг. была основана на догмате об «усилении классовой борьбы по мере продвижения к социализму». В соответствии с ним не только нагнеталась эскалация насилия в отношении так называемых «кулаков», но и проводилась планомерная работа по социальному расслоению крестьянства. Постоянно противопоставлялись интересы беднейшего и зажиточного крестьянства, середняки, провозглашаясь союзниками бедноты и рабочего класса, на деле оказывались ущемленными в правах и часто приравнялись к кулакам (отсюда возникали так называемые «перегибы»). В районах с казачьим населением (Быстрый Исток, Чарыш) казаки противопоставлялись крестьянам. Особой социальной группой на Алтае являлись бывшие красные партизаны, хотя в их числе были представители разных имущественных слоев.

Несмотря на политику искусственного разжигания социальной розни в алтайской деревне, крестьянство выступило единым фронтом против губительной для него политики большевиков. Однако, намеченные властями социальные группы деревни, позволяют составить довольно четкую социальную стратификацию участников крестьянского сопротивления на Алтае в середине 20 – начале 30-х гг. XX в. Зажиточная часть деревни, несомненно, играла ведущую роль в противостоянии государству крестьянства в целом, но она была далеко не единственным социальным слоем, выступавшем против мероприятий власти, как это долгое время утверждалось в исторической литературе. Все чаще звучат нелюбимые высказывания в адрес властей со стороны середняков. Их содержание сводится, примерно, к следующему: «власть превратилась в Колчака, грабит хлеб, скот у трудовиков-крестьян, только не хватает еще плеток и скоро, как видно, будут драть, но раз так, то еще посчитаемся, кто кого подерет» [1].

Представители этой социальной группы довольно часто переходили к делу. Как и более зажиточные представители крестьянства, середняки неохотно сдавали хлеб государству [2], совершали террористические акты против активистов.

Показателен тот факт, что во главе многих массовых выступлений стояли представители среднего крестьянства. Сообщения об этом в архивных материалах встречаются довольно часто, но рассмотрим лишь одно из них. «5 и 6 мая [1930 г.] в с. Черная Курья Мамонтовского района к помещению с\с собралась толпа около 100 человек, руководимая середняками, с требованием выдачи хлеба. Из толпы были слышны разные нецензурные выкрики по адресу местной власти с угрозой о том, что все амбары будут разбиты [3].

Настроения бедноты на протяжении рассматриваемого периода претерпевают значительные изменения. Если в 20-е гг. она высказывала претензии к государству чаще всего связанные с «мягкими» мерами в отношении сельской буржуазии, то с переходом к сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса и ухудшением, как следствие, ее имущественного положения, ситуация изменилась. Все чаще звучат высказывания в адрес властей подобные словам батрачки Байковой на собрании бедноты: «Зачем выселять кулаков, пусть живут здесь, если бы не они, то батраки с голоду подошли бы» [4]. Несмотря на идеологическую обработку, столкновение интересов различных социальных групп деревни и прямой подкуп за счет средств, конфискованных у кулаков, беднейшее крестьянство весной – летом 1930 г., доведенное до отчаяния разорительной и для них коллективизацией, приняло участие в активном противостоянии государству. Характерно, что на некоторых этапах осуществления государственной политики в деревне участие бедноты и середняков в крестьянском сопротивлении на Алтае превосходило по численности «кулацкое» [5].

О широком охвате различных социальных слоев алтайской деревни противостоянием крестьянства и государства на рубеже 1920-1930х гг. свидетельствует и социальный состав участников самого известного восстания – Уч-Пристанского. Всего восставшие насчитывали в своих рядах до 300 человек. Социальный состав примерно таков: 32% кулаки и антисоветские элементы; 42% - служащие; середняков – 24%; бедноты – 1,5% [6]. Таким образом, можно утверждать, что крестьянское сопротивление на Алтае в изучаемый период охватывало все социальные группы деревни по имущественному признаку. Однако, необходимо отдельно рассмотреть еще две группы, не совпадающие с «кулачеством» по политическому признаку. Это партийно-советские работники и бывшие красные партизаны. Эти группы логично было бы отнести к оплоту большевиков в деревне, тем не менее, и они приняли активное участие в сопротивлении крестьянства большевистскому режиму. При этом партизаны представляли реальную силу и вызывали наибольшее опасение властей. Местные советские и партийные работники, как правило, не выступали активно против мероприятий, проводимых правительством в аграрном секторе экономики. Тем не менее, докладные записки и информационные сводки содержат информацию о пассивном недовольстве коммунистов. При этом чаще всего под недовольством понимается реальная оценка сложившейся в деревне ситуации. Отмечается, что ряд партийцев молча выслушивают потоки антисоветской агитации в единоличных беседах, даже поддерживая таковую [7]. В целом молодежь более открыто и откровенно высказывала свое мнение о политике государства. Если рядовые коммунисты, оценивая сложившуюся на селе ситуацию, выражали недоумение в отношении отдельных мер правительства, то комсомольцы говорили о том, что, по их мнению, сделают крестьяне. При этом высказывания молодых людей выглядели как призыв к действиям. Подобным образом звучит высказывание комсомольцев Хазова (член РК КСМ), Мехова, Черемнова и Пинигина о том, что мужикам придется брать вилы и ковать пики, как в 1919 году [8]. Подобные

высказывания, как и недовольство политикой партии в целом, послужат в 1937 г. достаточным поводом для репрессий против значительного числа рядовых коммунистов. Такими же жертвами политических репрессий станут и большинство людей, принявших самое деятельное участие в установлении Советской власти на Алтае – красные партизаны.

Все чаще и чаще бывшие красные партизаны отказывали в своей поддержке политике, проводимой Советской властью в отношении крестьянства. На их съездах и собраниях нередко звучали критика «раскулачивания» и даже призывы к восстанию. С мест поступают сообщения об антисоветских настроениях бывших красных партизан. Так, в общей характеристике Большереченского района Бийского округа говорится: «в селе Троицком группа бывших партизан проводит подпольные заседания и обсуждает вопрос о том, чтобы почистить Советскую власть от студентов в очках» [9]. Партизаны пишут письма руководству [10], выступают на собраниях, организуют районные съезды, на которых чаще всего мнения их разделяются [11]. Если сначала партийные и советские органы пытаются использовать эти совещания и съезды в своих целях, то по мере развертывания сплошной коллективизации эта работа бывших красных партизан вызывает опасения у руководства [12] и, как следствие, запрет. Согласно «распоряжения [Сибирского] Крайкома ВКП (б) [Бийский] Окружком сообщает, что созыв конференции бывших партизан не разрешается» [13].

О серьезных опасениях местных органов власти нарастающим недовольством бывших красных партизан свидетельствует следующее письмо Барнаульского ОК ВКП (б) всем РК ВКП (б): «Партизанское движение на Алтае характерно тем, что наряду с широким вовлечением в русло вооруженной борьбы с Колчаком основных бедняцко-средняцких слоев деревни, в состав партизанских отрядов были вовлечены и некоторые группы крестьян, принадлежащих к верхушечным зажиточным слоям деревни» [14]. Наличие в составе многотысячных партизанских отрядов,

оперировавших на Алтае, зажиточной прослойки крестьянства, оказало известное влияние и на формирование руководства партизанской армии в том смысле, что «на командные посты некоторых подразделений проник социально чуждый элемент». Как результат – «в составе руководящих кадров партизанских частей находились, наряду с рабочими большевиками, такие лица, как Громов Иван Евдокимович (командир отряда, кулак-мельник), Кожин (командир полка, крестьянин-середняк, по убеждениям эсер), Тибейкин (командир полка, подпрапорщик, эсер), Бочаров Матвей (председатель армейского трибунала, по убеждениям эсер, подпрапорщик, зажиточный крестьянин), Рогов, Новоселов, Плотников и др.

С разгромом колчаковских банд и приходом Красной Армии, начинается процесс дифференциации настроений и политических позиций среди руководящих кадров партизанского движения, вторая часть руководителей движения заняла непримиримую позицию в отношении политики партии и советской власти».

Обострение противостояния государства и крестьян, связанного с проведением целого ряда мероприятий «форсированного наступления на кулака» влечет за собой рост активности зажиточной части партизан, которые все больше и больше становятся на путь активной борьбы с политикой советской власти. При этом необходимо указать на то, что эта часть партизан всячески стремится привлечь на свою сторону бывших партизан, принадлежащих к бедняцко-середняцким слоям деревни, широко используя при этом старые партизанские традиции, личный боевой авторитет и связи.

Наиболее серьезным проявлением активности «антисоветски настроенной части партизан, является попытка создать сепаратистские независимые от партийно-советских организаций партизанские центры, затушевать этим классовую борьбу в партизанской среде и, в конечном счете, увлечь за собой общую массу партизан» [14].

Таким образом, можно говорить о том, что те социальные процессы, которые проходили в деревне на рубеже 20 – 30-х годов вызывали недовольство не только среди «кулачества», но и среди наиболее «революционно сознательной» части крестьян – красных партизан. А любое инакомыслие или недовольство рано или поздно каралось. Подводя итог всему вышесказанному необходимо отметить, что, несмотря на доминировании зажиточного элемента, в крестьянском сопротивлении на Алтае с разной степенью активности принимали участие и другие социальные группы крестьянства. Однако, в противостоянии крестьян и государства в середине 1920 – начале 1930-х гг. результат был предрешен заранее, и не в пользу самой многочисленной социальной группы. Политика «раскулачивания» объективно ускорила раскрестьянивание и подготовила почву к переходу политического руководства страной к массовым репрессиям.

Библиографический список

1. ГААК, Ф.П-38, Оп. 4, Д. 42, Л. 72-73.
2. ГААК, Ф.П-38, Оп. 4, Д. 53, Л. 102 об.-103.
3. ГААК, Ф.Р-100, Оп. 2, Д. 108, Л.108.
4. ГААК, Ф.П-46, Оп. 1, Д. 48, Л. 4-6.
5. ГААК, Ф.П-4, Оп. 2, Д. 47, Л.152.
6. ГААК, Ф.П-12, Оп. 4, Д. 23, Л. 54-62.
7. ГААК, ФП-12, Оп. 4, Д. 53, Л. 47-53.
8. ГААК, Ф.П- 12, Оп. 4, Д. 33, Л. 16.
9. ГААК, Ф.П-12, Оп. 4, Д. 119, Л. 454 об.
10. ГААК, Ф.П-12, Оп. 5, Д. 10, Л. 10.
11. ГААК, Ф.П-21, Оп. 4, Д. 11, Л. 69.
12. ГААК, Ф.П-4, Оп. 4, Д. 18, Л. 31.
13. ГААК, Ф.П-12, Оп. 4, Д. 120, Л. 306
14. ГААК, Ф.П-4, Оп. 5, Д. 21, Л. 2-5.